

Осталось сказать вот о чем. Книга о Николае Лохове получилась разнообразной по материалу — тут и письма, и дневники, и статьи, и даже некрологи; много в ней и того, что называют «зрительным рядом»: фотографий, цветных и черно-белых репродукций как произведений итальянских художников, так и копий Лохова. Кроме работ самого маэстро, в книге приводятся репродукции картин двух его ближайших друзей-художников Евгения Климова и Эрика Прена, чья преданная дружба скрасила жизнь русского мастера. Судя по репродукциям, оба интересные художники, к сожалению, как и Лохов, в России совсем неизвестные. Возможно, книга Вересовой и Талалая побудит искусствоведов заняться и их творчеством.

Знаю Михаила Талалая как исследователя и знатока русских надгробий в Италии. Вот и в этой книге он не упустил случая рассказать, где похоронен русский художник, и привести надпись на надгробной плите на итальянском и — в своем переводе — на русском языках. Супруги Николай и Мария Лоховы похоронены на некатолическом кладбище Аллори по дороге из Флоренции в Сиену, и надпись на их надгробии гласит: «Прекрасный художник Н. Лохов, не желая создавать свое, посвятил всю жизнь исполнению совершенных „повторений“ великих мастеров Ренессанса».

А ведь правильно написали итальянцы, в самую точку.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Николай Хлестов. Нетерпеливый шаг тени. М.: Вест-Консалтинг, 2017. — 276 с.

В книге Николая Хлестова поднята еще не осмысленная до конца тема: психология человека во времена перестройки. Поведение, слова, поступки советских еще людей, вступающих в неизведанное. Главный герой повести, давшей название сборнику, — из когорты чиновников дипломатической службы. Доперестроечная «жизнь Отдела вслед за жизнью своего ведомства бежала своим нужным бегом, разделяя судьбу страны и народа. А с ней бежали бумаги, чиновники, совещания и согласования, начальство и подчиненные». Служебные интриги, подсиживания, поиски в документах антисоветчины, которой там нет, формалистика, партийные проработки, приспособленчество. И как только новые веяния коснулись и Отдела, реакция незамедлительна: появляется план «Производственные задачи управления в свете перестройки». В сутню, в вязкую повседневность затянут и герой повести. Задыхаясь в действительности, переживая личные драмы, он давно уже пишет роман, где фиксирует раздвоение своей личности: его альтер-эго — Хобот, нос, способный подмечать несуразности жизни, заглядывать в души. На протяжении всей повести герой размышляет о смыслах жизни, о природе власти, о религии, об уникальности чувств, о человеческом в человеке. Есть переключки с русской классикой: «Нос» Гоголя, «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого. В киноповести и ее синопсисе «Три» трагикомично изображены три дня из жизни коллектива Государственного комитета по правам человека (ГКПЧ, что так некстати переключается с ГКЧП). Три дня, 19–21 августа 1991 года, которые потрясли весь мир. Первый отклик сотрудников ГКПЧ на выход за пределы обыденного: стихийное собрание и коллективное распитие чего погорячее. Потом реагируют по-разному: кому-то важнее личная жизнь, любовь, дела семейные, пробитое колесо, очередь в парикмахерскую. Кто-то бросается в омут революции, «не стыдится своих

слез демократии, которая давно-давно исстрадалась и дождалась своего часа в нашей стране», и ждет, что «Запад раскроет нам свои объятия, и мы все станем единой семьей. От нас перестанут шарахаться, как от чумных. У нас появятся более пристойные союзники. Мы станем такими же богатыми, счастливыми, а главное — свободными». Звучат и другие голоса: «Кто нам раскроет объятия? Кому мы будем нужны счастливые и богатые? А особенно свободные и независимые?» Опыт руководства опирается на формулу: лучше переждать, а на всякий случай заготовить приказ в одном экземпляре о наказании тех, кто пошел на баррикады, прикрыться им в будущем, если победит ГКЧП, в противном случае — разорвать. И вообще: «Где указания, как жить и действовать?» Комичные диалоги отражают настроения людей, привыкших к устоявшемуся образу жизни и не понимающих, что их ждет впереди. И неизвестно, как бы повернулась жизнь семьи главного героя, если бы не раздался детский плач: «Мама, не ходи в революцию! Никто из семьи Мартынюк не пошел в революцию. Революция прошла без них». У Н. Хлестова несомненный дар: сочетать в своей прозе лирическое и сатирическое. Хороши рассказы, композиционно выверенные, стилистически безукоризненные, с точными концовками. За внешне безыскусным повествованием проступают глубокие смыслы. От лица неодушевленного, лестницы в старом доме, ведется первый рассказ. Она помнит, когда перила «были не то что нынешние — протезы пластмассовые, да и только! То были деревянные, отполированные. ...Я не говорю о ковровых дорожках при входе. Они исчезли». В монологе лестницы воссоздается целая эпоха (от Великой Отечественной до перестроечных времен), бытование одной семьи в эту эпоху, переживания бывшего веселого молодого человека, а ныне одинокого старика, не желающего отправиться следом за дочерью в эмиграцию («Лестница»). А можно ли в двух словах определить, что такое счастье? Убеленный сединами человек, вспоминая свои детские муки в ожидании мамы, запаздывающей на родительский день в летнем детсаду, смог: «Счастье? В двух словах? Это когда мама приехала!» («Мама приехала»). Труден путь к Богу Василия. В советское время отговаривала теща, намекая, что жену Любу, машинистку в райсовете, попрут со службы, где преточные продуктовые заказы. Рухнул СССР, крестился Василий. Но чтение книг священного писания напоминало кружки политграмоты, беседы со священником — партсобрания. В церкви во время молитв мучили скромные мысли: то женская фигура «душу раскачивает», то вспоминается гад начальник, то рожа соседа по дому. И только образ бабушки, что потеряла в войне сыновей, прожила трудную жизнь советской крестьянки, но любила всех: детей, внуков своих и не своих, людей вообще, преображает Василия. «Оказывается, можно жить так ясно, так понятно, опираясь на простые вещи. Не раздумывая ни о чем, лишь помня одно: добро есть добро, а остальное от лукавого. ...Что-то приподняло и понесло Василия. Не в силах Бог, а в правде!» («Василий Блаженный»). Ремейком чеховского рассказа является рассказ «Толстый и тонкий»: времена изменились, люди нет. Как и сто лет назад, радость встречи двух однокашников на вокзале в Женеве омрачена разницей статусов: менее успешный впадает в подобострастный экстаз, узнав, что его друг — успешный банкир, чем вызывает у последнего брезгливое недоумение и грусть. Сочувствуя одним своим героям, смеясь над другими, Н. Хлестов показывает нам, какими мы были.

Илья Рейдерман. Из глубины. Избранные стихотворения. СПб.: Алетей, 2017. — 424 с.

Илья Рейдерман — один из последних с корабля великой русской поэзии, длившихся традиции Золотого и Серебряного веков. Русский поэт, философ, культуролог, музыкальный критик, несуетную жизнь в «провинции у моря», в Одессе, и сосредото-

точенную работу мысли и души он предпочел мельканию в литературных кругах столицы. В поэзии он уже более полувека. Его ранним произведениям доброжелательно внимали П. Антокольский, А. Ахматова, А. Сергеев. Еще в юности он отвернулся от авангарда, бывшего тогда знаком сопротивления политической системе, выбрав традицию философской лирики, «неслыханную простоту» классики. Сегодня И. Рейдерман уверен, что авангардизм сыграл разрушительную роль в нашей культуре. Себя он позиционирует как человека литературы, еще шире — культуры, русской и мировой. В себе, в своей личности, в своих стихах он попытался удержать единство этой культуры, ведь «если внутри рвутся какие-то нити — это всегда катастрофа». В сборник, подготовленный к 80-летию поэта, вошли стихи из тринадцати сборников разных лет. Собранные под одной обложкой, стихи дают представление и о масштабности творчества И. Рейдермана, и о его мировоззренческой основе. Ведущие темы его лирики — Время, Природа, Человек и мир, Поэт и мир. Но главное — бытие, бытие как полнота существования, как проникновение в сокровенную суть окружающего мира, растворенность в нем и гармоничное единение с ним. «Поэт изначально — певец Бытия. Начиная с Гомера. Он воспевае! Он возносит до небес бытие, все предельные проявления природного и человеческого», — утверждает И. Рейдерман. «Открыть себя — как в мир открыть окно. // И это в детстве было: не уменье, // а первый дар — быть с жизнью заодно // и повторять в себе ее движенье. // Но как же уберечь нам этот дар // от взрослой недоверчивости нашей?» «Мир льется в сознание мое, как река, // как будто бы рухнула разом преграда. // И бабочка — та, что из райского сада — // влетает и машет крылами, легка. // И словно бы в руки плывут облака, // и дерево можно обнять, словно брата. // Я с миром един — и чего еще надо?» Поэтическое «я» растворяется в многообразии природы: в береге моря, в тумане, в дожде, в дереве в полдень, в сирени... «Я как песчинка на ладони Бога...» Но есть и горький вопрос «Человек, ты царь природы? // Что ж глядишь ты, словно вор, // на нахмуренные воды, // зимний серенький простор?..// Что ж ты царство проворонил? // Где владения твои?» У поэта, что живет, «частицу вечности в руке держа, // как будто соль на кончике ножа», особое отношение со временем, постоянная готовность «и с вечностью немой вступить в союз». В поисках высших смыслов жизни, осознавая ее трагедийность, поэт напрямую обращается к Богу: «Господи, слышишь скрежет зубовный и плач?»; «Как снова стать живым? Как смерть избыть?» В сборник включены стихотворения из книги «Молчание Иова», в основе которых ветхозаветные сюжеты и подражания псалмам. Наследник Серебряного века, одну из своих книг он демонстративно назвал «Вместе», вся она состоит из стихотворений под эпиграфами, вариаций на стихотворные строки Пушкина, Ахматовой, Пастернака, М. Цветаевой, Мандельштама, Рильке. «За каждой мыслью — голоса других. // За каждым словом — ожиданье слова // и созидают глубину живого // все те, кого и нет среди живых». Фантазии, навеянные музыкой композиторов прошедших времен и современных, взяты из книги «Музыка». Отдельная, глубоко волнующая автора тема: отношения поэта с социумом. Современному социуму, считает он, поэты не нужны, ему нужны функционеры, поверхностные люди. И «трудно хранить и „перевозить“ из прошлого в будущее смыслы русской культуры — преодолевая равнодушие чиновников и элементарную неграмотность молодых». В одном из завершающих сборник стихотворении, «Диалог поэта и читателя», читатель говорит: «Ведь если вы не знамениты, я книжку вашу не открою». Поэт отвечает: «Мы тайное живущих братство. // ...Мы знаем: в адской топке века // не все сгорает без остатка...» Поэт призывает: «Так откажись, восстань, беги из плена. // Плюнь в телевизор. Не читай газет. // Истории нет больше. Тьма историй // взамен. Вконец запутанный клубок. // Все истины уже погибли в споре. // Сознания нет, и обморок глубок». Самое серьезное в поэзии, уве-

рен поэт, — манифестация духовных потребностей. «Кричать сквозь воздух, обложивший ватой? // Как сохранить гармонию и лад? // Стихи в книжонке тощей напечатанной // и брось как можно дальше — наугад. // Стихи, в которых есть живая влага, // еще не позабытая душа. // И почему-то им нужна бумага, // что перелистывается, шурша». Завершает книгу большое «Интервью с самим собой», где сказано и о творческой позиции мастера, и о его пути. «И мы мгновенья собираем, // переплавляем, раздаем. // А что на свете оставляем? / Себя. Во времени своем».

Станислав Айдинян. Четырехлистник: Константин Бальмонт, Анастасия и Марина Цветаевы, Анатолий Виноградов. Очерки, статьи, исследования. М.: Экслибрис-Пресс, 2017. — 424 с.

Когда-то в юности Станислава Айдиняна случилось знаковое событие, определившее его «путь» в Серебряный век: в букинистической лавке Одессы он выбрал ветхую книгу без обложки, том стихов К. Бальмонта из собрания сочинения 1908 года. В книге обнаружил карандашный автограф одного из стихотворений поэта, подлинность которого впоследствии лично подтвердила старшая дочь поэта Н. К. Бруни-Бальмонт. Работа над биографией и творчеством А. Виноградова, автора книг «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Черный консул», «Братья Тургеневы» привела С. Айдиняна к Анастасии Цветаевой (1894—1993): до революции А. Виноградов входил в ближайшее окружение сестер Цветаевых. Айдинян стал литературным секретарем А. Цветаевой, ее бессменным редактором, помощником, другом. Они познакомились, когда А. Цветаевой было восемьдесят девять лет. «Она была стремительна в движениях, а тем более в мыслях, которые ее тонкой сухою рукою воплощались ежедневно в удивительно поэтическую прозу». В перерывах меж работами над рукописями она рассказывала ему о своей «серебряной юности», о Волошине, об Эллисе, Брюсове, Бальмонте, А. Белом и о своем отце, основателе Музея изящных искусств им. Императора Александра III (ныне ГМИИ им Пушкина), и сестре — Марине Цветаевой. Через призму воспоминаний А. Цветаевой С. Айдинян постигал атмосферу Серебряного века, сложный и противоречивый духовный мир творивших его людей, узнал много малоизвестных, а то и совсем неизвестных эпизодов из жизни героев этой книги, их знакомых, близких, друзей. Переплетение судеб, литературных и житейских, сближения, расхождения, яркие, самобытные характеры. Жрецом музыкального поэтического ключа предстает в воспоминаниях современников К. Бальмонт, близкий друг М. Цветаевой. А ведь когда поэт сам пришел знакомиться к юным сестрам Цветаевым, они прикинулись дурочками. «Обе сестры — личности большой воли. Оттого в них — резкая энергичность жеста, энергичность пера, у каждой своеобразного, заостренного в свою тему», — пишет С. Айдинян. Отмечает и «эффект близнецовости» у сестер, специфическую душевную связь. Трагична судьба А. Виноградова (1888—1946). В юности он искал «мистическое озарение», в Ясной Поляне спорил с Л. Толстым, после революции возглавлял Румянцевский музей, спасал книги императорских и частных библиотек, крупный чиновник от культуры, в 1930-е годы он стал известным советским писателем. А в 1932 году подал документы на поступление в летное училище и в годы Великой Отечественной войны летал с экипажами тяжелых бомбардировщиков за передовой край, писал очерки и репортажи. В 1946-м застрелился. Было в его жизни и юношеское увлечение А. Цветаевой. Две разные версии этой истории, в новелле М. Цветаевой «Жених» и в записанном на магнитофон рассказе А. Цветаевой, представлены в этой книге. В книгу вошли как авторские статьи, очерки, исследования, так и записи бесед автора с Анастасией Ивановной, фрагменты писем и дневников героев, большие от-

рывки из произведений и «Воспоминаний» А. Цветаевой. Приведены и выдержки из дневника И. Цветаева, где говорится о внимании и участии, проявленных лично Николаем II и Романовыми при создании Музея изящных искусств. Значительная часть текстов опубликована впервые, некоторые дополнены и переработаны, что-то публиковалось в периодике. Младшая дочь профессора И. Цветаева очень рано взялась за перо. Совсем юной девушкой опубликовала в 1915 году свои богоборческие, философские «Королевские размышления», чем очень огорчила близких. Затем последовала ее вторая книга «Дым, дым и дым. 1916», эссе о сфере сокровенных и противоречивых чувств, причудливо переплетенных с мыслью. Много рукописей пропало в 1937 году. Гибли люди, гибли рукописи, гибли книги. В середине 80-х годов «Воспоминания» А. Цветаевой стали сенсацией. С. Айдинян анализирует известные и малоизвестные тексты А. Цветаевой. Историю создания многих произведений, реальную подоплеку сокрытых в них смыслов поведала ему сама А. Цветаева. «И в один из наших вечеров, листая книгу, созданную в годы Первой мировой войны, раскрывала тайны литер, снимала покровы с героев, которые к тому времен все уже были в ином мире». А. Цветаева считала, что реальность богаче вымысла, и своими произведениями подтверждала столь парадоксальное мнение: в ее текстах отражалась реальная жизнь. В 1919 году она стала верующим человеком. И это, как полагает автор, помогло ей вынести испытания тюрьмой, лагерями, ссылкой, гибелью любимых. Особая страница — смерть М. Цветаевой, расследованием которой занималась ее сестра. Реставрируя события, мотивы, настроения Марины и ее сына, А. Цветаева никого не обвиняла. И не рассматривала версию, будто М. Цветаеву уничтожили сотрудники НКВД. А. Цветаева в своих беседах касалась очень личного, сокровенного. Истории своей любви, прошедшей через всю жизнь, любви, в которой больше было разлук, чем свиданий; истории замужества; самоубийства близкого друга юности в 1913 году, в эпоху повальных самоубийств... Обо всем этом автор пишет очень тактично и деликатно, сознавая, что один из глубинных лейтмотивов последней Цветаевой — попытка воскресить к жизни преданных забвению, дать возможность им прожить еще миг. А. Цветаева выступает в этой книге как связующее звено между Серебряным веком, его поэтами, творцами и нами.

Брендан Симмс. Европа. Борьба за господство. Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2017. — 736 с.

В книге английского историка Берндана Симмса каскад событий, стран, имен, дат. Конфликты внутренние и внешние, кризисы, геополитические потрясения, не единожды перекраивающие карту Европы. Неудивительно: история Европы как борьба за господство в ней и поиск европейского баланса сил представлена с 1450-го по 2011 год. Геополитическая колода перетасовывалась неоднократно: возвышались одни страны, выбывали из числа главных игроков другие, появлялись новые динамичные элементы. Геополитические «узоры» сплетались из амбиций: французских, испанских, австрийских, прусских, британских, российских, американских. Интересы сталкивались, альянсы заключались и разваливались, проводилась политика сдерживания и изоляции Франции, Британии, Германии. (Мы — не первые, не последние, на кого нацелен этот вид борьбы.) В XVIII веке неостановимый «русский марш» сделал Россию равноправным, а часто и главным игроком на международной арене. С тех пор рост ее влияния расстраивал ее соседей. Б. Симмс пишет сжато и лаконично, сводя многоцветную историю стран к единой картине, распространяя борьбу за Европу на другие континенты. Один из основных тезисов: приоритет внешней политики над вну-

тренней. Именно давление международных событий, необходимость укреплять могущество государства стимулировали внутренние реформы. Даже устойчивость лидеров зависит от успехов внешней политики. По мысли автора, из-за неудач внешней политики пал Людовик XVI; русскую революцию 1905—1907 годов вызвал протест против нежелания царя энергичнее воевать с Германией; за неудачи во внешней политике сняли Хрущева. В 1990-е годы приоритет внешней политики Европой и США утрачен, сохранился он только в России. Другой основной тезис автора: центром европейского равновесия сил и пересечения стратегических интересов великих держав на протяжении веков оставалась Священная Римская империя, сегодня — это Германия, главная арена международного соперничества. Кто контролирует Центральную Европу, тот контролирует всю Европу и тем самым доминирует в мире, быстро поняли США, приложившие немало усилий к европейской интеграции, призванной послужить «двойному сдерживанию»: Германии и Советского Союза. Об истории рождения за океаном «самой демократической страны», нынешней «хозяйки» Европы, о зависимости Европы от США сказано немало. Много цитат из речей западных политиков, начиная с XIX века, где Россия характеризуется как оплот реакционности, наиболее грозная и могущественная сила, угроза свободам и правам человека. От либеральных клише, странных с точки зрения русского человека, не свободен и сам западный профессор. Так, по его мнению, только ужасы русской зимы заставили отступить Наполеона. Апофеоз: «к середине 1990-х годов „западническая“ риторика первой половины десятилетия (когда регионам советовали брать столько суверенитета, сколько они смогут „переварить“) сменилась восхвалениями неделимой „Великой России“». Неудивительно поэтому, что Ельцин одержал победу на выборах 1996 года». У нас иное мнение о причинах этой победы. Наверное, и не все страны согласятся с интерпретациями Симмса своей истории. Мотивы действий западных стран, как правило, благородны: «расширение Европы велось в целях самообороны»; ресурсы ресурсами, но и стремление установить повсюду «цивилизованные» нормы поведения, «гуманизация» — причина колонизаций и экспансий. Благородные цели вдохновили и на бомбежку Югославии. Автор прослеживает рождение идей, которые поныне окрыляют Запад. Так, еще в конце XVIII века американский просветитель Пейн заявлял, что Америка «сражается не только ради себя, но и ради всего мира и смотрит далее преимуществ, которые может получить сама». Со временем многие американцы поверили, что их свобода может сохраниться только при активном распространении по всему миру их правил жизни. Есть противоречия: с одной стороны, подчеркивается неоправданная озабоченность СССР, вплоть до паранойи у Сталина, сближениями главных европейских держав, с другой — подтверждается, что западные страны откровенно нацеливали Гитлера против СССР. Симмс сам указывает, что предложения президента Эйзенхауэра по разоружению являлись фактически пиар-акциями, рассчитанными на обман Советского Союза. Иногда автор честно пишет о вещах, о которых его коллеги предпочитают не вспоминать. Например, о цене обещаний западных лидеров: «Ни одно британское правительство не рискнет ни одним британским гренадером ради защиты Польши» (Чемберлен). Книга Б. Симмса — это взгляд западного историка на европейские события прошлого и настоящего, отличный от отечественной историографии. На момент написания книги (2013) Европа, по мысли автора, пребывала в кризисе, глубочайшем со времен Второй мировой войны: противоречия между европейскими государствами, между Европой и США, между США и Россией. Анализируя прошлое — тупики, в которые заходила европейская политика, неиспользованные возможности, просчеты политиков, — автор не пробует предсказать будущее, он задает вопросы о будущем Европы, на которые ответов у него нет.

Ольга Романова. Сон юности. Записки дочери Николая I. М.: Алгоритм, 2017. — 272 с.: ил.

«...Невозможно было представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюбленные называют небесным», — писал один из современников о второй дочери Николая I. Светлыми являются и записки великой княжны Ольги Николаевны (1822—1892) о своем детстве, о юности в семье, где все любили друг друга. Претендентов на ее руку было немало. Фрейлины недоумевали: «Как, в девятнадцать лет все еще не замужем?» Но император, сам счастливый в семейной жизни, разрешил любимой дочери следовать зову сердца, и лишь в 1846 году, пережив несколько любовных драм, она вышла замуж за принца Карла Вюртембергского. В 1864 году принц стал королем Вюртемберга, а Ольга — королевой. Воспоминания охватывают период с 1822-го по 1846 год. Самые первые впечатления связаны с похоронами Александра I: мрачная роскошь похорон поразила ее детское воображение. Еще одно детское впечатление — поездка в Москву в 1826 году на коронацию отца: девять дней по проселочным дорогам с брусьями с правой стороны, воткнутыми просто в песок. В памяти остался отблеск пышного коронационного торжества в Грановитой палате: «Вокруг нас — необычного вида женщины в восточных одеяниях: татарки, черкешенки, жительницы киргизских степей. Все это было ново и непривычно. Восток, его люди и обычаи — все это привлекало любопытство чужеземцев и создавало вокруг древнего города, с его золотыми куполами и причудливыми башенками, блестящий ореол». Живых картинок счастливой детской жизни много. С одной стороны — очень строгое воспитание, с другой — много свободы. Царские дети (у Николая I их было семеро) лазили по веревочным лестницам трапезий, прыгали через заборы, играли в прятки на сеновале. Забавы для детей придумывал и сам отец. Воспитателям он сказал: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных». Юность — это в первую очередь бесконечный поток развлечений: праздники, балы, маскарады, поездки по стране и за границу, главным образом в немецкие земли, к многочисленным родственникам, ибо российский и немецкие дворы связывали тесные родственные связи. Супругой Николая I была прусская принцесса из королевского дома Гогенцоллернов. Немецкая родня постоянно приезжала и в Петербург. Были и обязанности: следуя примеру бабушки и матери, стоявших во главе всех отечественных женских институтов, сестры из собственных сбережений учредили общественный фонд для содержания начальных училищ для девочек. Позднее Ольга Николаевна инициировала и открытие школ для дочерей священников. Юность — это и зарождение чувств, грезы, увлечения и разочарования как самой Ольги, так и ее старшего брата и сестер. Обо всем этом она пишет чистосердечно, но и деликатно. Любовно вспоминает она бытовые подробности жизни российского двора, детально описывает комнаты в Петергофе, Царском Селе, Аничковом дворце, в Кремлевском дворце. Редкая возможность — увидеть частную жизнь царствующих особ. Выразительны портреты и характеристики близких: отца, матери, сестер и братьев; теток, кузенов, кузин — принцев и принцесс, князей, герцогов и эрцгерцогов; окружения — придворных, фрейлин, воспитательниц и педагогов. В счастливый детский мирок проникало только слабое эхо событий. Но проникало: отголоски войн и революций в Европе, вести с театра российских военных действий, эхо холерных бунтов, подготовка к освобождению крестьян, — таков фон семейной жизни. Ольга пишет и о том, как тяжело переживал гибель Пушкина Николай I и вся царская семья. «Папа видел

в Пушкине олицетворение славы и величия России». В жизни Ольги были счастье и драмы. Самой тяжелой утратой стала смерть любимой сестры. Александра, Адина, умерла от скоротечной чахотки в девятнадцать лет, недолго прожил и ее новорожденный сын, хоронили ее вместе. У книги замечательная тональность: неспешность повествования, открытость, бережное и внимательное отношение к чувствам близких, их судьбам, к жизни своей души. Наверное, время было другое: «телеграф и железная дорога не перекрещивались с жизнью; почта из-за границы приходила только по средам и субботам, мы были ограждены от неожиданностей, которые в наше время, начиная с 60-х годов, так изнашивают нервы и характер». Ее завет внучатым племянникам: «Как хорошие, так и плохие дни нашей жизни формируют наш характер. Не стать озлобленным, чтить тех, которых мы не можем любить, на зло отвечать добром и сохранить в себе чувство независимости, спокойствия и благосклонности — это было то, что я всегда старалась исполнить». Над воспоминаниями королева Вюртемберга, русская великая княжна Ольга работала с 1881-го по 1883 год, наверное, ей хотелось пережить счастливые дни и часы своего детства и юности заново. Это — первое русское издание воспоминаний. Французский оригинал находится во владении принца Альбрехта Шаумбург-Липпе. Русский перевод сделан баронессой М. Бурхардовой Беннинггаузен-Будберг.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)